

Глава 1. Начало моей истории

Это было в феврале 2016 года. Помню точную дату: двадцать первого февраля. Во Владивостоке была удивительная для этого времени года оттепель. В душе ощущалось что-то щемяще-соднящее. Это чувство не передать словами. Я шел из школы домой, и рождались стихи. Они родились так внезапно и так быстро, что дома мне осталось их только записать.

Февральская оттепель

*(прогноз погоды на 21 февраля 2016 года:
сегодня во Владивостоке оттепель,
температура +1)*

*Еще февраль сегодня на дворе,
Но в воздухе весенняя прохлада.
А хрупкие сосульки на окне
Заплакали, что им весны не надо.*

*Не нужно им весеннее тепло.
Пугает их природы пробужденье.
Пусть снова будет все белым-бело,
Окутано февральскою метелью.*

*Но солнце не поверило слезам
И протянуло тонкую ручонку.
И проливают слезы тут и там
Изящные прозрачные девчонки.*

Лишь позже я узнал, что двадцать первого февраля, ровно сто тридцать лет тому назад, в такой вот теплый зимний день — теплый, потому что дело было под Херсоном, — родился мой кумир, мой друг, Алексей Крученых.

Сколько помню себя, столько пишу. Записываю смешное и грустное, пишу стихи, какие-то заметки. Пишу для школы и «в стол». Как будто невидимая рука водит моим пером — и на бумаге рождаются мысли, чувства. Мне все интересно, но особенно то, что было когда-то, до моего рождения. Я погружаюсь в атмосферу прошлого до потери чувства реальности. Моей последней героиней была Лиля Брик. Мысленно я не покидал ее квартиры в Гендриковом переулке (не согласен с термином «салон»).

Дни напролет я общался с ней, ее друзьями, наблюдал за Маяковским, восхищался эрудицией Оси Брика.

Я отмечал вместе с ними Новый год, лично сидел под елкой, которая была подвешена вниз макушкой. Я был влюблен в Лилю, не мог оторвать взгляда от ее веснушчатого лица, по которому, как от электрического разряда, пробегал нервный тик. Чай с вареньем, пирожки. Лиля берет в руки огромных размеров пирожок и, глядя на собеседника своими жгучими глазами, бросает через стол. На этот раз пирожок поймал Леша Крученых.

Глава 2. Пути исканий

Леша — сын крестьянина. По виду не скажешь. Красивый, смуглый, с роскошными бровями. Мне он напоминает Михаила Зощенко, есть что-то общее в чертах лица. Красиво очерченный рот с пухлыми губами и лучистые глаза выдают в нем не то художника, не то актера. И в этом есть доля правды. Какое-то время Крученых работал художником. Да и всю свою жизнь рисовал — шаржи, карикатуры, картинки к своим необычным стихам. Восемь лет Алексей прожил в деревне на тридцать домов. Отец — крестьянин — пахал и сеял. Легко представить крестьянский уклад и незатейливый быт их простого дома. Затем семья переезжает в Херсон. Это была мечта для многих деревенских — сменить крестьянскую жизнь на городскую. Отец устроился работать кучером, мать не работала. Так и жили. Алексей пошел учиться, окончил три класса. Как учился? С кем дружил? Дрался, курил? Не знаю, врать не буду. Могу лишь догадываться. Мальчиком он был необыкновенным, художественно одаренным. Поэтому, полагаю, был отчасти «белой вороной», возможно, не совсем вписывался в детскую среду убогой школы. Вранье, что таких ребятишки любят и ценят. Скорее всего, не безграничной любовью и уважением платили одноклассники за неординарность юного Крученых. Подзатыльник или звонкая затрещина — вот так, как правило, обычно оценивают молодой талант резвые сверстники. Но это лишь мысли вслух. А вот что вспоминает о себе сам герой: «Я был беспризорным «гадким утенком». Среда меня ненавидела и платила за мой дикий нрав не менее диким отношением». Что было потом? «За мной установилась бедовая слава. Тогдашние шкрабы не могли меня «оценить» и понять. Однажды донос обвинил меня в таких поступках, от которых я сам содрогнулся. Меня исключили, не слушая оправданий. Пришлось заклеяменному «членовредителю» докончить образование в другой школе». Отучился. И на этом детство закончилось.

Шел 1902 год. Какой он, Леха Крученых, сын кучера? С его же слов, самостийный, неуправляемый. Вот что он вспоминал о себе: «Меня тянуло к чему-нибудь огромному, красочному, а главное — свободному». Нет, о литературе речь пока не шла. Парень выбирает стезю художника. Именно в живописи он видит возможность самовыражения. Это и неудивительно. Сколько современных молодых людей проделывают то же самое: кто рисует чем ни попадя дикие, никому не понятные картины, кто просто берет баллончики с краской и малюет на бетонных опорах, заборах, стенах то, от чего впадают в ступор законопослушные граждане. Короче, «окончив курс высшей начальной, я был более нервен, неуживчив и неприличен, чем даже до школы», — пишет Алексей Елисеевич в своих воспоминаниях. «Свободный художник» — это звучит гордо! И он пополняет ряды студентов Одесского художественного училища, среди которых выделяет самых ярких, непримиримых, склонных к самовыражению, эпатажу. Там же впервые звучит слово «футуризм». Но и в это же время Крученых увлекается театром, он не только часто смотрит постановки, но и пишет рецензии и театральные статьи в местные газеты. Что ж до литературных пристрастий, то самым любимым писателем для него навсегда останется Николай Васильевич Гоголь.

Глава 3. Скажи, кто твой друг...

1912 год. Алексей Крученых отдаляется от художников. Теперь в его окружении молодые люди из литературных кругов. Но это не те литераторы в привычном смысле этого слова. Это молодые люди, которые громко заявляют о себе своим эпатажным творчеством, стремящиеся противопоставить себя классической литературе и ее классическим канонам. Он активно включается в борьбу за новое искусство. Его лучший друг — Давид Бурлюк, тот, что разрисовывает свое лицо и пишет знаменитые строки: «Мне нравится беременный мужчина...» (Кстати, Бурлюк посетил наш Владивосток в 1919 году. Здесь он пропагандировал футуризм, читал свои стихи, нес в массы новое искусство. К сожалению, частенько был бит, освистан, но от своих идей не отказывался.)

Среди его друзей Владимир Маяковский. Но не тот Маяковский — в строгом костюме, с тростью, с каменным профилем. А ранний Маяковский, в желтой блузе с бантом, беззубый, с подведенными глазами. Ему пока и в голову не приходит восхвалять Ленина, партию и т. д. Он пишет совсем про другое, про общечеловеческие ценности, про звезды, которые кто-то зажигает, потому что «это кому-нибудь нужно».

А вот каким был Алексей Крученых по воспоминаниям филолога А. А. Шемшурина: «Это был ходячий клубок нерв. Он не терпел возражений и преград своей воле». Есть еще небезынтересное воспоминание того же автора, когда к нему пришел Крученых и увидел на столе редкую футуристическую книгу, к которым Алексей Елисеевич всю жизнь питал страсть. А. А. Шемшурин пишет: «Повертевшись несколько на стуле, он вдруг попросил меня выйти из комнаты, чтобы он мог заняться книгами. Не дожидаясь даже моего согласия, Алексей Елисеевич стал раздеваться, чтобы остаться в одной рубашке. Я оставил его на час». Каким мне видится Крученых того времени? Эгоцентриком, человеком, заявляющим о себе, своей позиции, своем праве на мнение. Прежде всего, он — личность, и личность выдающаяся, яркая. Его мало интересует, что о нем подумает грибоедовская княгиня Марья Алексевна. Он кричит, вопит, играет словами:

*Мизиз...
Зынь...
Ицив —
Зима!..
Замороженные
Стень
Стынь...
Снегота... Снегота!..
Стужа... вьюжа...
Вью-ю-ю-га — сту-у-у-га...
Стугота... стугота!..
Убийство без крови...
Тифозное небо — одна сплошная вошь!..
Но вот
С окосевших небес
Выпало колесо
Всех растрясло
Лихорадкой и громом
И к жизни воззвало...*

(Из стихотворения «Зима»)

Ну, как?! Кто-то в восторге, а кто-то плюется. Только равнодушных нет. Вот так и надо писать, чтобы не было равнодушных! Мне близок порыв автора, не смысл стихотворения, не почерк, не ритм, а именно порыв. У меня есть собственное стихотворение, которое было написано в подобном порыве:

*«Издает ужасные дикие крики в школе без причины!!!»
(Замечание из школьного дневника от 23 января 2016 года)*

*Журчит ручей, шкварчит котлета,
Шипит змея, гогочет гусь,
Гремит оркестр, ревет ракета.
Я звуков этих не боюсь.*

*Свистит свисток, орет сирена,
Грохочет град, скребется мышь,
Шуршит листва, скрипит телега,
Рокочет гром, шумит камыш.*

*Бурлит река, вопит ребенок,
Жужжит пчела, пыхтит завод,
Стучит кузнец, мычит теленок.
Гудит призывно пароход.*

*Хочу все звуки в этом мире
Вобрать в себя, ну а затем
Разинуть рот и что есть силы
Их выкрикнуть на радость всем!*

Глава 4. Их есть у меня!

Теперь мне бы хотелось тактично подойти к такому литературному приему, о котором литературоведы спорят до сих пор. Да, я имею в виду «заумь», приверженцами которой были А. Крученых, В. Хлебников, В. Гнедов и некоторые другие футуристы. Что же такое «заумь»? Обратимся к справочной литературе. «За́умь, за́умный язык — литературный прием, заключающийся в полном или частичном отказе от всех или некоторых элементов естественного языка и замещении их другими элементами или построениями, по аналогии осмысляемыми как языковые». Так гласит Википедия.

Мой герой — человек, проповедующий новую мораль, отказываясь от старых норм, канонов, традиций. Вместе с единомышленниками — Бурлюком, Хлебниковым, Маяковским — он строит искусство будущего. Он в прямом смысле отрицает все то, что в течение столетий создавали его предшественники — классики, такие как Державин, Пушкин, Батюшков. Равнодушие было для него абсолютно неприемлемо, необходимым условием существования являлась атмосфера литературного скандала. Преднамеренные крайности в поведении футуристов провоцировали агрессивное неприятие и ярко выраженный протест публики. Что, собственно, и требовалось.

Алексей Крученых чувствует небывалый подъем, азарт. Он пишет часто и помногу. Напомню, у моего героя нет никакого филологического образования, как и я, он черпает вдохновение из окружающей его жизни, он берет свои сюжеты прямо с улицы, рифмы ему навевает ветер. Вот мое стихотворение, которое мог бы написать и он в свое время:

Стихи

*Не я пишу стихи, не я —
Мне ветер их поет,
Их тихо шепчет мне трава,
Стихами дождик льет.*

*Стихи во всем, что вижу я,
Во мне, вокруг меня.
Их слышу я, когда я сплю,
Их вижу я, когда иду,
Без них и я — не я.*

*Я весь в стихах. Они навек
Пронзили жизнь мою.
Я в них играю, их пою,
Я ими говорю.*

Есть еще такие стихи Алексея Крученых:

*Дыр бул щыл
убешиур
скуп
вы со бу
р л эз*

Изначально я не хотел их цитировать. Эти стихи есть во всех источниках. Их пытаются расшифровать, их тужатся перевести на иностранные языки. Хотя у меня есть свое мнение на этот счет. Это просто эпатаж ради эпатажа. Типа того: «Ви хотите песен? Их есть у меня!» Иными словами говоря: «Вы ждете от меня чего-то особенного? Получайте!» Алексей Крученых стремился обогатить литературу за счет новых, не литературных выразительных средств, вот и все. (Между прочим, Павел Флоренский писал: «Мне лично этот «дыр бул щыл» нравится: что-то лесное, коричневое, корявое, всклокоченное, выскочило и скрипучим голосом «р л эз» выводит, как намазанная дверь».)

Я понимаю своего героя во всех его проявлениях, понимаю и принимаю. Человек неординарный, талантливый, своими необычными действиями он пытался индустриально довести до простой публики то, что подчас не мог донести словами. Обратимся к истории. Вот что пишут газеты.

Из газеты «Русские Ведомости» № 257 от 15 октября 1913 года:

«Усевшись на дырявом кресле спиной к публике, Крученых потребовал чаю. Выпил стакан, остатки выплеснул на стену и заявил: «Так я плюю на низкую чернь!» И удалился».

Из газеты «День» № 230 от 6 октября 1913 года:

«Крученых с искаженным лицом и растопыренными пальцами проговорил что-то бредовое и закончил оригинальным аккордом: стукнулся головой о стол».

«Крученых читал.
Публика недоумевала.

Крученых читал.

Публика стучала ногами.

Крученых заканчивал выступление.

И тут же входили полицейские, и вечер заканчивался».

После одного его выступления публика долго вызывала автора на сцену, но тот уже покинул театр, тогда главный администратор театра крикнул в зал: «Его уже увезли в сумасшедший дом!» Зрители поверили и разошлись по домам.

Крученых, Бурлюк, Хлебников, Маяковский были самыми модными парнями своего времени. На них ломилась публика. Несмотря на их разрисованные собаками и самолетами лица, полосатые штаны, матерные слова в зал, плевки и тому подобное. Билеты на их концерты раскупались за несколько месяцев до начала. Публика стояла в проходах. Желающих было столько, что разве что не висели на люстрах. А может быть, и висели. Они печатали свой сборник «Пощечина общественному вкусу», а публика все ломилась и ломилась, чтобы услышать, узнать. Что мы, молодежь XXI века, можем противопоставить этому, вернее, кого? Кто может вызвать такой ажиотаж? Лично я таковых не знаю!

Глава 5. Чужой среди своих

Внутренний кризис и Первая мировая война привели к распаду в 1915 году группы «Гилея», где работал в качестве писателя Алексей Елисеевич. Спасаясь от мобилизации, он уехал на Кавказ и работал учителем рисования в женской гимназии. По воспоминаниям одной из его бывших учениц, был он в то время странным, нервным. Ученицы не тянулись к своему педагогу, а, скорее, сторонились его. Когда был не в состоянии объяснить ученицам что-то, касаемое урока, он вдруг бледнел, по лицу пробежала судорога и на лице возникало мученическое выражение, после чего он резко разворачивался и опростыню выбежал из класса. Творческий, известный человек, «свой» с точки зрения искусства, был своим ученикам глубоко «чужим».

Живя в 1916–1919 годах в Тифлисе, Крученых вместе с другими футуристами — братьями К. и И. Зданевичами, Н. Чернявским, В. Гудиашвили и др. — принимал участие в деятельности художественно-поэтической группы «Синдикат футуристов», где издавал не только свои стихи, но и эссе, критические статьи. Программной книгой «Синдиката футуристов» стал сборник «Учитесь художни» (1917), в который вошли стихи Крученых. Но и опять в который раз поэт не был понят, многие из его стихов были подвергнуты не только критике со стороны уважаемых тифлиских литераторов, но и осмеяны.

В 1919 году Крученых покидает Тифлис и едет в Баку, а затем и в Москву. С переездом ему во многом помогает его друг В. Маяковский. Он же вводит его в круг московских поэтов и организует вечер поэзии в Политехническом музее, где приглашают на сцену и Алексея Крученых. Отношение к выступающему неоднозначное: крики восторга и бурные аплодисменты тонут в реве и свисте недовольных. Но ему к подобному не привыкать.

Глава 6. Она его за муки полюбила...

В 1921–1923 годы Крученых продолжал разработывать теорию «зауми» в применении к различным видам искусства. Этому посвящены его сборники «Фонетика

театра», «Сдвигология русского стиха» и др. Своим работам Алексей Елисеевич придавал очень большое значение. При написании их он был уверен, что следующие поколения поймут и оценят его лучше нынешнего. Что ж до его современников, то его теоретические труды, наряду с поэтическими, были большинству из них чужды. Одним словом, «чужой среди своих». Были единицы среди творческих людей, которые могли если и не оценить гениальность А. Крученых, то хотя бы понять его неординарность и стремление выразить свою точку зрения на искусство. Одной из них была Лиля Юрьевна Брик, та самая Лиля, о которой я упомянул ранее. Лиля и сама-то была из стана «чужих». Какие грехи ей только не приписывали! Однако всю свою жизнь она старалась поддерживать людей одаренных, личностей, которые не вписывались в рамки советской идеологии. И одним из таких людей был А. Крученых. Алексей Елисеевич был тепло принимаем в доме Лили Брик. Лиля помнила, что тот любит очень крепкий чай без сахара, и всегда к его приходу готовились любимые им огромные пирожки с ливером. Алексей Елисеевич тоже в долгу не оставался: читал новые стихи, высказывал, не боясь быть непонятым, свои литературные идеи. Всю свою жизнь А. Крученых был очарован Лилей, ее душевной щедростью и внешней красотой. Вот что он написал с посвящением ей:

Остроножка

Лиле Ю. Брик

*Сквозь бронированные камни
крыши и карнизы
сквозь грохоченье улиц
щелк и шум,
остроногая — упор волчка —
пылающей косою струистая
Лиля катилась по канату
— раз! — куда-то...
! шантан — вертись!
Телеграф — дорогу! —*

*И высунув язык коснячеству
неслась обратно
да так,
что в оторопи ватман,
затормозив зудки,
трамвай оставив в столбняке,
из искр
ей преподнес букет,
весночку
оспрыснув огнятами,
сзывая всех,
срывая из ушей оконных вату
затем
что нет острее
языка и пальчиков
и ног
чем Лилины,
в астро-стаккато!..*

В 1923 году поэт вошел в возглавляемую Маяковским постфутуристскую группу «ЛЕФ» («Левый фронт искусства»), активно выступал против «упадочной» поэзии

С. Есенина, посвятив критике двенадцать книг (все в 1925 году), писал агитпьесы. В 1928 году подготовил сборник «15 лет русского футуризма. 1912–1927 гг. Материалы и комментарии». Каким он был в то время? Стремительным, порывистым, неприимым. Таким вспоминают его современники.

Глава 7. Лирическое отступление

Ну почему, почему я постоянно чувствую его присутствие? Мы пишем по-разному, по-разному видим, но есть у нас что-то необъяснимо общее. Вот стихотворение А. Крученых, датированное 1943 годом. Он пишет про войну:

Русь

*И снова дыбом
война и гром,
Ты щедро швырнула
своим добром.
Тебе не страшен теперь
никакой черт,
ни орудия его, ни брехня,
ни миномет.
Ты навеки победой
себя оградил,
с нами —
крестная сила.
Скорей гони
дубиной в домовину
фальшиста-висуна,
горбатую свастину.*

В мае 2016 года я тоже написал стихотворение о войне:

Сон

*Это было со мной?
Или это лишь сон?
Когда призрак войны
Постучался в мой дом.*

*То ли явь, то ли сон,
Но я вижу с тех пор:
Черный пепел войны
Запорошил мой двор.*

*Вижу много солдат
И себя среди них.
(Много примет земля
Тех бойцов молодых.)*

*Я в окопе стою
И гранату беру,
И остаток бойцов
Я в атаку зову.*

*Я зову, я бегу
И кричу на бегу.
Я бросаюсь под танк
Всем врагам на беду.*

*Это было со мной?
Или это лишь сон?
Мне вовек не забыть
Моей Родины стон.*

У нас разные рифмы и сюжеты разные. Но у нас одно дыхание, мы смотрим на вещи под одним углом. Вам не кажется?

А вот стихотворения о любви. Первое — написано А. Е. Крученых.

Уехала!

*Как молоток
влетело в голову
отточенное слово,
вколочено напропалую!
— Задержите! Караул!
Не попрощался.
В Кодж оры! —
Бегу по шпалам,
Кричу и падаю под ветер.
Все поезда
проносятся
над онемелым переносьем...*

*Ты отделилась от вокзала,
покорно сникли семафоры.
Гудел
трепыхался поезд,
горлом
прорезывая стальной воздух.
В ознобе
не попадали
зуб-на-зуб шпалы...*

А вот мое стихотворение, написано мною в декабре 2015 года, тоже очень личное.

Луч любви

Наде Попович посвящаю

*Был ярк луч, но сгинул вдруг,
И жизнь моя остановилась.
Меня покинул милый друг,
И счастье в бездну погрузилось.*

*Как это горе пережить?
Ведь боль не выплакать слезами.
Нет сил тебя мне разлюбить,
Печаль не высказать словами.*

*Тебя мне нужно отпустить,
Но не могу разжать ладони.
Тебя мне нужно позабыть.
Но как привыкнуть к этой боли?*

*Мой милый луч, ты был мне всем.
Печально наше расставанье.
Я стал никем. Ты стал ничем.
Остались лишь воспоминанья.*

Глава 8. Конец футуризму?

Что было дальше с моим героем? После шумных выступлений, манифестов с пропагандой нового искусства, публикаций книг начинается новый период в жизни Алексея Елисеевича. В стране наступают новые времена, о которых уже много написано в разных исторических источниках. Трагически умирает близкий друг В. Маяковский. Умер В. Хлебников. Эмигрировал Д. Бурлюк. По стране прокатилась первая волна террора. Книги Крученых перестают издавать. Дальше — война.

Во время войны он работал в «Окнах ТАСС». Нищий и морально надломленный, встречает он послевоенное время. О литературной деятельности приходится забыть. Да и кто бы позволил в советской стране идти наперекор власти, провозглашать то, что идет вопреки общепринятому! Крученых посвятил свою жизнь сохранению редких книг и автографов. Страсть к книгам, редким рукописям стала смыслом жизни бывшего бунтаря и прокламатора.

Вот что пишет о Крученых Василий Катанян, пасынок Лили Брик: «Один из первых русских футуристов Алексей Крученых всю жизнь до смерти... был поносим советской властью и умер в нищете. ЛЮ... его... всегда признавала, всегда любила этого талантливое чудака, этого «героя практических ничемностей». Ей импонировало стремление Крученых к царству «чистых», освобожденных от предметности звуков. Она видела в них параллели с супрематизмом Малевича...»

В день рождения поэта Лиля всегда приглашала его на праздничный обед, и так было до самой смерти Алексея Елисеевича! Не могу не привести отрывок из еще одного стихотворения А. Крученых, посвященного Л. Ю. Брик:

Лилическое отступление

*Волибница кукол, повелительница вздохов,
Чаровательница взоров, врагам анчарная Лилиада,
Лейся, лелеемая песня, сквозь камни,
Упорно, подземно, глухо, до удушья...
В судорогах наворочены глыбы кинодрам,
Руины романов, пласты сновидений...
Ваше Лиличество, сердце экрана!
Взгляни на крепчайшую пирамиду.
Я задрожу и вспомню до косточки
Золотоногую приму-балерину...*

Тридцать первого мая 1966 года в Центральном доме литераторов состоялся первый и последний прижизненный юбилейный вечер Алексея Крученых. Как вспоминает одна из организаторов вечера, Алексей Елисеевич пришел задолго до

начала выступления, пришел он с букетиком цветов, которые сам же себе и купил заранее. На вопросительный взгляд встречающих тут же ответил: мол, на цветы со стороны публики не рассчитываю, чужой я им, чужой... Да и как не поверить словам поэта про его чужеродность, когда на дворе стояла брежневская весна! Советские люди не так давно запустили человека в космос, борются за выполнение плана пятилетки, художники рисуют картины в соответствии с канонами социалистического реализма, а тут, извините, «дыр бул щыл»! Выглядел он очень старым, больным. Одет был во что-то очень старое и не очень опрятное. Зрителей пришло совсем немного: часть из них — люди преклонного возраста, часть — просто случайные. Овации автору никто не устраивал. (Пишу и плачу.)

Глава 9. ...И конец всему

Те последние годы жизни поэта были, несколько не преувеличивая, страшными. Вот что позже вспоминал Э. Лимонов: «...Было известно, что Крученых посещает эту довольно обычную и бедную, скорее, забегаловку. Крученых мы не дождались, но когда вышли, то наткнулись именно на него: такой себе грязенький в несвежей одежде, с черной хозяйственной сумкой, лямки на локтевом суставе, старичок». Между прочим, «старичок» к тому времени написал более тридцати книг о литературе и искусстве и более восьмидесяти поэтических сборников!

А вот то, о чем мне особенно тяжело писать. Умер Алексей Елисеевич двадцать первого февраля 1968 года. Жил он в коммунальной квартире, у него не было ни жены, ни детей. Был он абсолютно нищим, так что костюм на его похороны дали соседи. Вот что вспоминает о его кремации Эдуард Лимонов: «Я достоял до последних аккордов музыки, проверяя, что я чувствую: скорбь моя оказалась мне неискренней. Мне было 25 лет, у меня были интересные друзья, вокруг Москва и искусство, Крученых же умер совсем старым, всего лишь из живой легенды стал просто легендой. Жалеть его не приходилось!» Ушел из жизни поэт при полном равнодушии окружающих, чужой и никому не нужный! Я удивляюсь, что прожил он довольно долгую жизнь. Как он с таким бунтарским, нетерпимым характером, несдержанный, пережил времена доносчиков и доносов, лубянских преследований и сталинского террора? О чем он думал в своей крохотной коммуналке? Оплакивал своих ушедших друзей, горевал о несбывшихся надеждах? А может, порой вспоминал свои эпатажные выходы на сцену, как, например, этот, и смеялся?

Из газеты «Наше Время» № 142 от 14 сентября 1914 года:

«Выступал Крученых и беззастенчиво крутил «великий русский язык». Декламируя свои нечленораздельные «дыр, бул, щыл», он сам крутился на сцене волчком, присвистывал, закатывал глаза и завывал, напоминая собой то сибирского шамана, то индийского заклинателя змей <...> Крученых аплодировали долго. Он снова выходил и «заумно» подвывал. Было жутко и весело. <...> Студентки <...>, пробравшись за кулисы, качали Крученых на руках и чуть не задушили насмерть».

В 1919 году А. Крученых написал такие строки:

*Чисто по женски нежно и ласково
Она убеждает, что я талант
Что меня по меню положат на — стол
И будут все как лучший ужин захлебываясь лакать...*

Слова не оказались пророческими. Свой, и в то же время чужой и чуждый для своей страны, он так и не стал яством, которое бы стали «захлебываясь лакать» русские читатели.

На этом мое скромное исследование подошло к концу. Я знаю, что тему для него я выбрал непопулярную, неблагодарную, так как сейчас мало кто интересуется творчеством Алексея Крученых, еще меньше читают и еще меньше того издают. «Свой» по национальности и происхождению, он так и остался для широкой аудитории «чужим». До сих пор маститые литературоведы не пришли к общему мнению: являются ли произведения Крученых стихами или это лишь эпатажный выпад молодого футуриста. Однако есть и другие мнения, хотя они и в меньшинстве. Вот одно из них, неизвестного автора, взято из Интернета: «Алексей Крученых. Вечный боец. Боец за колоссальное, смелое расширение рамок поэзии. Непонятый в свое время, чужой и сегодня. Так сложилось, что его творчество стоит особняком даже среди русского авангарда XX века. Заумь, тесное переплетение с народным творчеством, стихотворения на своем, выдуманном языке, все это промелькнуло у Крученых...»

Для меня Алексей Елисеевич Крученых — большой поэт Серебряного века. Это — масштабная историческая личность, герой своего времени.

Вместо постскрипума

Знаете, есть такая поговорка: «Без радости встреча, расставанье — без слез». Применима она и к датам рождения и смерти моего любимого поэта. Не было никаких юбилейных празднеств по случаю его стотридцатилетия. Уверен, через два года никто не вспомнит о другой круглой дате: пятидесятилетию со дня его смерти. Вот уж и Советский Союз стал Россией, мы простили и поняли всех своих эмигрантов, даже возвращаем на Родину чей-то прах. А русский поэт, живший на русской земле и посвятивший себя созданию хоть и нового, но все же русского, искусства, как был чужим для своей страны и народа, так чужим и остался.

